

«Всякое рассмотрение значительной роли евреев в жизни стран и народов их рассеяния - как вот и наша книга - неизбежно останавливается перед вопросом: «Кто есть еврей?», «Кого считать евреем?» - так начинается вторая, заключительная часть фундаментального исследования «еврейского вопроса» - роли и места евреев в истории России, проведенного Александром Солженицыным. («Двести лет вместе». - М.: Русский путь, 2002).

На этот раз предметом исследования писателя стал исторический период с начала Февральской революции до наших дней.

Первая часть исследования вызвала широкий общественный и политический резонанс. Книга, безусловно, стала событием. Судя по всему, та же судьба ожидает и часть вторую.

Сегодня мы публикуем некоторые фрагменты этой последней работы знаменитого писателя.

В большевиках

Это - слишком не новая тема: евреи в большевиках. О ней - уж сколько было написано. Кому надо доказать, что революция была нерусской или «чужеродной», - указывают на еврейские имена и псевдонимы, ссылаясь на русских вину за революцию семнадцатого года. А из еврейских авторов - те, кто раньше отрицал усиленное участие евреев в большевицкой власти, и кто его никогда не отрицал, - все единодушно согласны, что это не были евреи по духу. Это были отщепенцы.

Согласимся с этим и мы. О людях - судить по их духу. Да, это были отщепенцы.

Однако и русские ведущие большевики также не были русскими по духу, часто именно антирусскими, и уж точно антиправославными, в них широкая русская культура искажительно преломилась через линзы политической доктрины и расчетов.

Поставить бы вопрос иначе: сколько должно набраться случайных отщепенцев, чтобы составить уже не случайное течение? Какая доля своей нации? О русских отщепенцах мы знаем: их было в большевиках удручающее, непростительно много. А насколько широко и активно участвовали в укреплении большевицкой власти и отщепенцы-евреи?

И еще вопрос: отношение народа к своим отщепенцам. Реакция народа на отщепенцев может быть разной - от проклятия до похвалы, от сторонения до соучастия. И проявляется это суждение, это отношение - действиями народной массы, - русской ли, еврейской, латышской, - самою жизнью, и только в малой, отраженной степени - изложениями историков.

И что ж - могут ли народы от своих отщепенцев отречься? и - есть ли в таком отречении смысл? Помнить ли народу или не помнить своих отщепенцев, - вспоминать то ли исчадье, которое от него произошло? На этот вопрос - сомнения быть не должно: помнить. И помнить каждому народу, помнить их как своих, некуда деться.

Да и нет, пожалуй, более яркого примера отщепенца, чем Ленин.

В лагерях ГУЛАГа

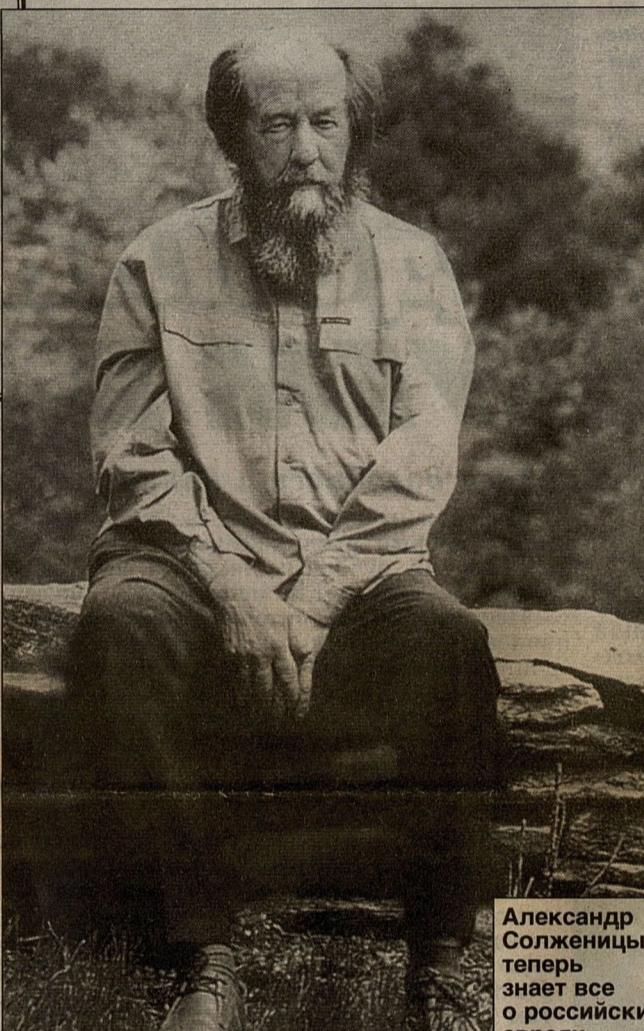
Если бы там не побывал - не написать бы мне этой главы.

До лагерей и я так думал: «наций не надо замечать», никаких наций вообще нет, есть человечество.

А в лагерь присылаешься и узнаешь: если у тебя удачная нация - ты счастливчик, ты обеспечен, ты выжил! Если общая нация - не обижайся.

Александр Солженицын покончил с еврейским вопросом

Вышла в свет вторая, заключительная часть книги писателя «Двести лет вместе»

Александр Солженицын теперь знает все о российских евреях.

Ибо национальность - едва ли не главный признак, по которому зэки отбираются в спасительный корпус приудруков. Всякий лагерник, достаточно повидавший лагерей, подтвердит, что национальные соотношения среди приудруков далеко не соответствовали национальным соотношениям в лагерном населении. Именно прибалтийцев в приудруках почти совсем не найдешь, сколько бы ни было их в лагере (а их было много); русские были, конечно, всегда, но по пропорции несравненно меньше, чем их в лагере (а нередко - лишь по отбору из партийных ортодоксов); зато отметно сгущены евреи, грузины, армяне; с повышенной плотностью устраиваются и азербайджанцы, и отчасти кавказские горы.

И, собственно, никого из них нельзя в этом винить. Каждая нация в ГУЛАГе ползла спасаться, как может, и чем она меньше и чем поворотливей - тем легче ей это удавалось. А русские в «своих собственных русских» лагерях - опять последняя нация, как были у немцев в Kriegsgefan-genenlagens (концлагерях). - Ред.).

Впрочем, не мы их, а они нас вправе были обвинить, армяне, грузины, горцы: а зачем вы устроили эти лагеря? а зачем вы держите нас силой в нашем государстве? Не держите! - и мы не станем сюда попадать и захватывать такие привлекательные приуроченные места. А пока мы у вас в плену - на войне как на войне.

В войну с Германией

Несомненно, однако, что гитлеровская политика истребления евреев, в ее планомерности и охвате, не была достаточно освещена советской прессой, - так что даже еврейская масса в СССР плохо могла понять размеры

опасности и гибели. И всю войну публичных высказываний о судьбе евреев на оккупированных немцами территориях было действительно мало. - Сталин в речи 6 ноября 1941 (24-я годовщина Октября) сказал: «Гитлеровцы... так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим. Гитлеровская партия есть партия... средневековой реакции и черносотенных погромов». («Насколько мы знаем», пишет израильский историк, «это был единственный во время всей войны случай, когда Сталин публично упомянул евреев») - 6 января 1942 в ноте наркома Молотова всем государствам, с которыми Советский Союз поддерживал дипломатические отношения, - евреи упомянуты в перечислении страдающих советских народов, а затем выделены, с указанием цифр, расстреляны евреи в Киеве, Львове, Одессе, Каменце-Подольске, Днепропетровске, Мариуполе, Керчи. «Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице - Киеве... было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов: перед расстрелом всех разделли догола и избивали... расстреливали из автоматов. Много массовых убийств... и в других украинских городах, причем эти кровавые казни особенно направлялись против безоружных и беззащитных евреев из трудящихся». - Затем была декларация советского правительства от 19 декабря 1942 г., где упоминалось наличие у Гитлера «особого плана поголовного истребления еврейского населения на оккупированной территории Европы» и в самой Германии; «относительно к своей небольшой численности, еврейское меньшинство советского населения... особенно тяжело пострадало от звериной кровожадности гитлеровских выродков». Но указы

ют, что эта декларация была как бы излишней: через два дня после сходной декларации союзников, и без серии публикаций в советской печати, как всегда делалось, когда нужна была газетная кампания.

Оборот обвинений на Россию

Вот Шимон Маркиш перелагает Жаботинского: в статьях 20-х годов «Жаботинский несколько раз (по разным поводам) замечал: Россия - чужая страна, наш интерес к ней - отстраненный, прохладный, хотя и сочувственный, ее тревоги, огорчения и радости - не наши, так же как наши - не ее». Маркиш добавляет: «Именно так отношусь к русским... тревогам и я». И приглашает: наконец «называть вещи своими именами. Впрочем, и свободные, западные русские в этом деликатном пункте храбрость не блещут... Я предпочитаю иметь дело с врагами».

Только надо бы вашу сентенцию разделить на две части: почему «называть вещи своими именами», говорить прямо - это значит быть врагом? А по нашей пословице: не люби потаковщика, люби спорщика.

Вот от этого перекоса, что если говорить прямо - означает враждебничать, - я призываю всех, и евреев, отказатья. Исторически отказалось! Навсегда отказалось!

Вот я в этой книге как раз и «называю вещи своими именами». И - ни минуты не ощущаю, что это было враждебно к евреям. И - сочувственное пишу, чем, встречно, многие евреи пишут о русских.

Цель этой моей книги, отраженная в ее заголовке, как раз и есть: надо нам понять друг друга, надо нам войти в положение и самочувствие друг друга. Этой книгой я хочу протянуть рукопожатие взаимопонимания - на все наше будущее.

Но надо же - взаимно! Соотношение еврейской и русской судеб, переплетшихся с XVIII века, и так взрывно проявившееся в XX, - не должны потерять и на будущее. Тут, может быть, заложен сокровенный Замысел - и тем более мы должны стремиться к его разгадке и исполнению.

И кажется очевидным, что правда о нашем общем прошлом - и евреям, как и русским, нравственно нужна.

